

ровании, и петербургскую, где господствует власть факта. «Я определил бы ее [петербургской школы. — В.Т.] характерную черту как научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции»¹.

Здесь Пресняков как бы поставил с ног на голову тезис Милюкова: «В Москве хоть отбавляй оригинальности: она выдумывает, не боясь грешить отсебятиной. Петербург осторожен насчет выдумки, зато раз продуманное он мастер приводить в порядок». Если Милюков видел превосходство Москвы именно в смелости мысли, то теперь Пресняков усмотрел преимущество Петербургской школы в осторожности и обстоятельности, отказе от априорного теоретизирования.

Итак, из приведенного выше видно, что противостояние, которое было характерно для исторических школ в конце XIX — начале XX в., во многом основывалось на культурных стереотипах (которые нередко вполне могли совпадать с реальностью). Петербуржец — формалист, следовательно, и петербургский историк в первую очередь будет заниматься не осмыслением полученных исторических фактов, а их проверкой и первичной систематизацией. Москвич же — «оригинал», он предрасположен к осмыслению истории, к анализу первопричин и созданию смелых концепций.

Из изложенного материала можно сделать вывод, что различия между двумя научными сообществами скрывались не только в научном творчестве, но и в менталитете, сформированном культурной средой Москвы и Петербурга. Дихотомия «Москва — Петербург» наслаивалась на взаимоотношения научно-исторических сообществ обеих столиц, создавая предпосылки для разграничения «своих» и «чужих», формировала фон для рефлексии об особенностях двух научно-исторических сообществ.

3. Младшее поколение историков Московской школы: предварительные соображения

Существование различных поколений в рамках одной школы — до сих пор слабо изученный вопрос. Как справедливо иногда замечают специалисты в области историографии, жизнь исторических школ довольно коротка — одно-два поколения исследователей². Но институциональным центром Московской исторической школы был историко-филологический

¹ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 6.

² Лаптева Л.П. Владимир Иванович Ламанский // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 271.

факультет, что позволяло школе «самовоспроизводиться» в течение длительного времени. Это привело к тому, что в Московской школе можно выделить несколько поколений. Впрочем, в литературе проблема поколений московских историков отличается неопределенностью. Интересно отметить, что в рамках Петербургской исторической школы уже неоднократно выделялись разные генерации¹, что также подтверждает значение университета как институционального центра школы, позволяющего формировать несколько поколений ее представителей.

Так или иначе, но существование нескольких поколений учеников Ключевского признается многими исследователями. Так, еще П.Н. Милюков указывал на бытование в рамках Московской школы старшего и младшего поколений². Более того, он сам поражался, насколько следовавшие за ним студенты того же историко-филологического факультета отличаются от его поколения менталитетом³. Схожие наблюдения на эмпирическом уровне присутствуют в работах Н.Л. Рубинштейна⁴, Т. Эммонса⁵, Т.И. Халиной⁶. Н.Л. Рубинштейн наиболее отчетливо провел разделение учеников Ключевского на два поколения. По его мнению, к старшему поколению относились П.Н. Милюков, М.К. Любавский, Н.А. Рожков и М.М. Богословский, к младшему — Ю.В. Готье, В.И. Пичета, С.В. Бахрушин, А.А. Кизеветтер, А.И. Яковлев. К сожалению, автор не указал, по каким критериям была проведена эта градация, что значительно снижает эвристическую ценность этих наблюдений. Современный исследователь А.Н. Шаханов выделяет сразу три поколения в Московской школе⁷.

Разграничение учеников В.О. Ключевского прослеживается и в работах В.П. Корзун. Так, она выделяет ядро школы, куда включила П.Н. Милюкова, М.К. Любавского, М.М. Богословского, А.А. Кизеветте-

¹ Жуковская Т.Н. Некоторые размышления о Петербургской исторической школе // Третьи мартовские чтения памяти С.Б. Окуня: Мат-лы науч. конф. СПб., 1997. С. 10–12; Ростовцев Е.А. Указ. соч. С. 58.

² Трибунский П.А. «Школа Ключевского» в оценке П.Н. Милюкова // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. Вып. 1. М., 2005. С. 401.

³ Милюков П.Н. Мои университетские годы // Московский университет. Париж, 1930.

⁴ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.; Л., 1941. С. 500–502.

⁵ Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 46.

⁶ Халин Т.И. Михаил Михайлович Богословский // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 426.

⁷ Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 249.

ра и Ю.В. Готье. Кроме ядра она выделила «второй круг учеников» в составе М.Н. Покровского, А.И. Яковлева, В.И. Пичету, С.В. Бахрушина, С.К. Богоявленского, В.А. Рязановского, М.М. Карповича и Г.В. Вернадского. Очевидно, что под «вторым кругом» подразумевается младшее поколение историков Московской школы¹. Впрочем, оба специалиста ограничиваются умозрительными наблюдениями, произвольно относя одних историков к одной генерации, а других — к другой.

Е.А. Ростовцев, рассматривая типичные черты Петербургской исторической школы в ее отличии от Московской, выделил несколько поколений среди московских историков: первое и второе поколение — это Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, В.И. Сергеевич, В.О. Ключевский, третье — это П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, М.Н. Покровский, М.М. Богословский, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин². Предложенное разделение, с нашей точки зрения, отличается крайней размытостью. Наверное, сложно говорить о существовании научной школы в 1830–1840-е гг. Это был еще период, когда индивидуальное творчество играло определяющую роль. Не случайно ни Т.Н. Грановский, ни С.М. Соловьев, ни К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин не имели прямых учеников. Кроме того, в ряды этих ученых почему-то не попали историки-славянофилы, хотя они формировали лицо Московского университета не в меньшей степени, чем упомянутые Ростовцевым ученые-западники. Представляется, что Московская школа начала свое формирование во второй половине XIX в., когда обозначился переход к коллективистским формам наукотворчества и возникли потребность науки в монографическом изучении русской истории и, как следствие, потребность в кадрах, объединенных общей идеей (методологией) и изучающих множество частных проблем (что не под силу отдельному исследователю). Кроме того, в третьем поколении оказались объединены слишком разные ученые, например, М.Н. Покровский и П.Н. Милюков, что также не добавляет схеме убедительности.

В научной литературе в последнее время наблюдается повышенный интерес к проблеме поколений. По замечанию авторитетного специалиста в области социологии поколений В.В. Семеновой, в современной социологии произошел отход от биологической трактовки категории «поколение» к социокультурной. Теперь «на первое место выдвигается компонент группового своеобразия (самосознания) каждого колена — индивидов, родившихся в одно время и имеющих схожий опыт, общие

¹ Корзун В.П. В.О. Ключевский и его ученики // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 41.

² Ростовцев Е.А. Указ. соч. С. 57.

интересы и взгляды»¹. В этом контексте ключевым критерием выделения генерации становится так называемый «исторический опыт» возрастной группы. Можно с уверенностью сказать, что для сообщества ученых целесообразно выделить не только «исторический опыт», безусловно, сильно влияющий (в особенности на историков), но и «научный опыт», т. е. уникальные черты научной практики. В поколениях ключевую роль играют «возрастные (поколенческие) образцы, или паттерны», которые определяются как «типичные формы социальной активности поколения»² и являются основой культуры поколений. По отношению к научно-историческому сообществу такими паттернами следует признать как социально-политические стратегии поведения, так и образцы решения научных вопросов, принятые в генерации.

Между тем, учитывая все выше сказанное, для демаркации генераций в исторической науке, кроме конкретно-исторического подхода, можно предложить следующие критерии: 1) изменение методологии, а в случае школ уместнее говорить о методике исторического исследования; 2) трансформация социально-политической обстановки, в которой растут молодые исследователи, что, в свою очередь, может скорректировать тематику научной работы; 3) переход старших коллег от роли учеников к роли учителей, что способствует кристаллизации тех новшеств, которые были ими внесены в историографическую традицию; 4) самосознание младшего поколения, осмысление своей, с одной стороны, зависимости от мэтров школы, а с другой — понимание особых черт в своем научном творчестве; 5) коммуникативные характеристики, заключающиеся в предпочтении круга общения, поскольку замечено, что историки одного поколения и схожих взглядов более тесно сотрудничают друг с другом; 6) внешние по отношению к имманентному развитию школьных традиций факторы (например, влияние других школ или отдельных личностей, научных парадигм и т. д.), которые также приводят к формированию особых черт нового поколения. Совокупность этих критериев, по нашему мнению, позволяет говорить о принадлежности ученого к тому или другому поколению.

Большинство указанных критериев невозможно проверить в одной главе из-за слабой изученности младшего поколения московских историков (это будет сделано, по возможности, далее). Но одно позволит выделить представителей младшего поколения, сформировав тем самым предмет исследования. Таким критерием является факт ученичества у более старших коллег. По нашему мнению, к старшему поколению

¹ Семенова В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М., 2009. С. 7.

² Там же. С. 21.

можно отнести историков, писавших свои диссертации непосредственно у Ключевского, а к младшему — тех, кто учился не только (да и не столько) у Ключевского, сколько уже у его учеников. Именно они и стали представителями нового поколения московских исследователей. К ним следует отнести Ю.В. Готье, который занимал связующее положение между старшим и младшим поколениями, а также С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.Б. Бахрушина. Научная деятельность этих историков позволяет наглядно проследить эволюцию и трансформацию Московской исторической школы. Казалось, было бы естественно включить в этот круг и такого выдающегося ученого, как В.И. Пичета, окончившего Московский университет в 1901 г., но его творчество представляется скорее сплавом московской и киевской традиции и является слишком специфическим, чтобы рассматривать его в рамках данной работы. Своеобразную архивоведческую направленность приобрело творчество и другого представителя этого поколения — С.К. Богоявленского. Тем не менее стоит отметить, что многие черты, присущие выделенным в качестве объекта исследования ученым, были свойственны и В.И. Пичете, и С.К. Богоявленскому.

4. Литература о жизни и творчестве Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина

В отечественной историографической литературе до сих пор отсутствуют работы, в которых творчество Готье, Веселовского, Яковлева и Бахрушина рассматривалось как нечто цельное. И все же анализу их жизни и научной деятельности посвящен внушительный комплекс работ. Условно этот массив литературы можно разделить на несколько частей: 1) учебники и учебные пособия, а также обобщающие труды по истории исторической науки; 2) работы, в которых указанные историки рассмотрены в рамках крупных историографических проблем; 3) монографии и статьи, освещающие индивидуальное творчество.

Первый пласт литературы, благодаря своей распространенности, заслуживает особого внимания. Пособия, в силу относительно невысокого количества историографических работ, также должны активно использоваться в историографических исследованиях. Первой в этом ряду стоит известная работа Н.Л. Рубинштейна «Русская историография». Автор рассматривает Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.Б. Бахрушина как составную часть «школы Ключевского». Готье, Бахрушина и Яковлева он причисляет к «младшим представителям» этой школы, у которых «экономическая проблематика выступает отчетливее [чем у их старших коллег. — В.Т.] и еще более приближает